

Наталья Ильинична Сац не стесняется разговоров о своем возрасте. Да, исполняется девяносто. Но разве возраст — количество прожитых лет? Только что прилетела из Пекина — договаривалась о гастролях Московского академического детского музыкального театра в Китае. Как режиссер готовит очередной спектакль. В качестве профессора ГИТИСа выпустила еще одну группу режиссеров, специалистов по музыкальным спектаклям для детей.

О своем жизненном пути Наталья Ильинична рассказала в книгах «Дети приходят в театр», «Новеллы моей жизни», «Жизнь — явление полосатое». О том, как в пятнадцать лет создала первый в мире профессиональный театр для детей и как потом построила еще пять театров. Не станем повторяться. Но еще предстоит рассказать, как в наше время малопонятные реформы принялись пожирать культуру и искусство для детей. Из шестидесяти тизов бывшего СССР, родоначальниками которых были Наталья Сац в Москве и Александр Брянцев в Питере, сегодня уцелели единицы. Да и в них — жить-то надо! — ставят спектакли, отнюдь не помогающие воспитанию честных и порядочных людей. Новые театры для детей теперь возникают в США, Англии, Франции, Италии...

А театр Натальи Сац с башней, увенчанной Синей птицей, держит оборону в России.

Нет, никогда за 75 лет творческой деятельности Наталья Ильинична не искала легкой жизни. Об этом говорится и в невидимой новелле бывшего завлита Театра для детей и юношества Казахстана А. Розанова, которую мы сегодня публикуем.

В анналах Театра для детей и юношества Казахстана долго хранился уникальный документ: решение исполкома Алма-Атинского горсовета о том, что театру разрешается спилить столетний карагач на углу проспекта Сталина и Октябрьской улицы.

В карагач влюбился старый мастер Иткинд. Он приходил на свидания к дереву. Целыми ночами он простаивал возле мускулистого ствола, гладил причудливые складки коры и плакал от восторга и вдохновения. Иногда он плакал возле карагача не только ночью, но и днем. Однажды его фигуру, прижавшуюся к стволу, заметила всеильная Наталья Ильинична. В те дни она, как всегда, торопилась и торопила других. Она строила в столице Казахстана Театр Детской Радости, нимало не смущаясь тем, что в Алма-Ату угодила после пятiletнего пребывания в тюрьмах и лагерях, и не останавливаясь перед тем, что еще шла Великая Отечественная война и серьезным людям, казалось, было не до театров.

— Война — это когда много горя, — так объясняла свои действия Наталья Ильинична, — а детям необходимо хоть немного радости, иначе они могут вырасти плохими людьми.

Свои взгляды она отстаивала столь напористо, что с ней соглашались самые серьезные люди. И не только соглашались, но даже поддерживали. И не только деньгами, которые в те дни почти не имели цены, но и такими бесценными вещами, как доски, гвозди, олифа и литературные продуктовые карточки в закрытые распределители для настоящих и будущих сотрудников театра.

Правда, за каждый гвоздь и каждую карточку Натальи Ильиничне приходилось выдерживать отдельные сражения, но это уже другой сюжет. А сейчас надо сказать о том, что на стройку театра явилось немало умелых и талантливых людей, которые были привлечены к делу не только литературными продуктами, но самим делом. Эти люди помнили, что сами когда-то были детьми, а некоторые так и остались ими. Несмотря на седины, морщины и другие неприятные проявления возраста.

Исаак Иткинд внешнею своей напоминал библейского старца. Его внутренней детскости хватало бы на целый детский сад «Одуванчик». Неизвестно, кто и откуда привел его в будущий театр, но очевидцы точно помнят, что у мастера не было продуктовых карточек. У него не было даже целых штанов, а наличные представляли собой плохо скрепленную нитками систему дырок. Это, однако, не лишало мастера известной представительности, поскольку цело его обрамляли седые и прямые, как у композитора Листа, длинные волосы. С плеч ниспадала черная юрчатка на манер той, в которой Ленский стрелял с Онегиным, а с шеи свисал черный шелковый бант. Старый мастер плохо говорил по-русски и застенчиво улыбался. Сведущие люди утверждали, что он замечательный Мастер. Может быть, гениальный. Однако за какие-то грехи, вернее, за подозрение в возможности совершить что-нибудь не вполне советское Иткинда выдворили из европейской части страны и водворили в безвестный степной аул, где потенциальная греховность мастера не тревожила представителей власти. В ауле Искинд чинил старую обувь, латал ведра и примусы и тем добывал на лепешки. Как скульптор, он был никому

и девочек. Только настоящий Мастер способен в серой куклолке увидеть прекрасную бабочку. И старый Мастер ничуть не усомнился в словах неистойвой Натальи Ильиничны. Иткинд сказал:

— Почему нет? Я сделаю хорошего Дзамбула. — Мастер не выговаривал шипящих букв. — И можно я буду спать тут? — Он показал на кучу хлама в углу. — Это нужно, чтобы я быстро работал.

Он поселился возле будущего Золотого зала. У него не было никакого имущества, кроме потертого баула с набором инструментов. Но прошла неделя, а работать он вроде бы не собирался. С ним начало твориться как раз то, с чего мы начали рассказ. Иткинд влюбился в старый карагач на углу проспекта Сталина и Октябрьской улицы. Старожилы утверждали, что дерево это стояло на своем месте еще до того, как генерал-губернатор Колпаковский приказал обозначить строго перпендикулярные улицы города Верного ранжирами пирамидальных тополей Карагач стал тем правофланговым, на которого равнялись тополевые саженцы. Именно возле этого почтенного дерева Иткинд и попал под горячую руку строительнице Театра Детской Радости.

— Слушайте, Иткинд! — кричала нетерпеливая Наталья

возле Золотого зала. Все чаще его видели спускающимся в подвальную комнату, отведенную под хранилище театрального реквизита, где среди казенного имущества обитала за немением другого жилища одинокая полнотелая и добродетельная реквизиторша. Правильнее было бы думать, что она просто приютила старца. Правильнее было бы думать, что известный в Европе и Америке скульптор просто получает теперь за свою литературную карточку тарелку домашнего горохового супа, столь необходимого для нормального творческого процесса. Впрочем, над маршпрутом ваятеля до поры до времени задумывался лишь бдительный и вездесущий начальник пожарной охраны по фамилии Глоцер. Этот грузный мужчина с пристальным взглядом справедливо полагал, что пожары могут происходить от множества причин, и не хотел нести ответственность за других.

Надо сказать, что здание, где в свое время размещался Театр Детской Радости, в конце восьмидесятых сгорело-таки дотла. От некогда приметного здания на углу бывшего Коммунистического, бывшего Сталина, ныне проспекта Аблай-хана осталась лишь куча тепла, которую оперативно оградили зеленым заборчиком. Размышляя возле него о брөн-

чальник. — Он у ей, можете быть спокойнейки, Наталья Ильинична!

Сжав кулаки, хозяйка театра устремилась в подвал шагами Петра Великого, узавшего о стрелецком бунте. Она затрясла фанерную дверь хранилища реквизита с такой силой, что крючок, державший ее изнутри, мгновенно отлетел. Грозная Наталья Ильинична очутилась в полутемном низком помещении, небольшая часть которого была отгорожена занавесью из багрового ситчика с голубыми цветочками. С обеих сторон занавеси симметрично выглянули два лица: женское, полное, испуганное, со сбитой набок прической, и мужское — с застенчивой улыбкой и длинной седой прядью, падавшей на худенькое желтенькое плечико.

— Иткинд, что вы здесь делаете? — не веря глазам своим, прорычала хозяйка театра. И старый Мастер отвечал смущенно и чистосердечно:

— Мы делаем маленького Дзамбульчика...

Несколько поостыв и посмеявшись про себя над случившимся, Наталья Ильинична пригласила Иткинда в кабинет, извинилась за вторжение в его интимную жизнь и добавила несколько спокойно-официальных фраз, побудивших Мастера немедленно вернуться к реццу и провести возле своего творения двое суток подряд. Иткинд не притронулся за это время даже к горячему супу, доставленному в Золотой зал, и строго отринул принесшую сей источник вдохновения.

В день, когда открылся Театр для детей и юношества Казахстана, 6 ноября 1945 года, акын Джамбул, вырезанный из столетнего карагача, занял место у входа в Золотой зал под откинутым пологом юрты. Держа на коленях домбру, мудрый акын удивленными глазами глядел на толпившихся вокруг мальчишек и девочек, на сверкавшие электричеством люстры, на картины в тяжелых золоченых рамках, на слезы, блестевшие в глазах мужчин, носивших гимнастерки, украшенные гроздьями боевых наград. Старый акын с удивлением прислушивался к звукам оркестра и грохоту аплодисментов, доносившихся из зрительного зала, где шло первое представление Славный акын не переставал удивляться и в те часы, когда в Золотом зале становилось темно и пусто. Улыбаясь во весь рот, поэт с домброй удивлялся шесту пирамидальных тополей на улице Калинина, пыльное многоцветных пылинок в первом солнечном луче и мерным шагом начальника пожарной охраны, который твердо знал, что возгорание жилых и общественных зданий возможно происходить в любое время суток.

Увы, творение Мастера Иткинда нравилось далеко не всем. Слишком серьезные люди, привыкшие видеть в присутственных местах портреты Джамбула — сурового и надменного певца великой сталинской эпохи (как принято было выражаться), тихонько пожимали плечами, разглядывая озорного старикана, угаданного Мастером во чреве столетнего карагача. Каким-то кощунственным отступлением от Обязательных Правил веяло от деревянного акына. Чем-то не нашим, не джамбулистым явно полагивало от весельчака с удивленным взглядом.

Слишком серьезные люди не высказывали своих сомнений вслух, ибо сверху была дана команда — восхищаться Театром Детской Радости, чуть ли не единственным в стране учреждением культуры, выросшим в стране в военное время. Но потом, года через три прозвучала иная команда — отставить восхищение и проявить бдительность. Хозяйка Театра Детской Радости, спасаясь от очередной репрессии, пришлось срочно бежать в другую республику. Легендарных героев казахского народа — Кобланды батыра и Деде Коркута — содрали со стен Золотого зала, поскольку эти и другие лица были признаны элзвредными исчадиями феодально-байской идеологии, препятствующими советскому народу в его движении к светлому будущему. Начальник пожарной охраны и завхоз дядя Вася, кряхтя, вытащили огнеопасного акына Джамбула из-под полога праздничной юрты и ввергли его в бывшее хранилище театрального реквизита, где теперь были свалены детали устаревших декораций и сломанные стулья.

Но ведь старый Мастер сотворил Джамбула по своему образу и подобию — веселым философом. Поэтом даже в кромешной тьме склада ненужных вещей мудрый акын продолжал удивленно улыбаться.

Адриан РОЗАНОВ.

● На старых фото — Н. И. Сац с сыном в Алма-Ате и актер Театра Детской Радости.

УЛЫБКА МУДРЕЦА

не нужен. И он без разрешения пришел в Алма-Ату.

Слов нет, беспокойную Наталью Ильиничну тут же могли обвинить в порочном принципе подбора кадров. Это было сделано несколько позже и дорого ей обошлось. Но на первых порах своей алма-атинской жизни она, к ужасу осторожных товарищей, не слишком вдумчиво относилась к анкетным данным принимаемых на работу. Ее куда больше занимало — умеет ли принимаемый работать.

— Вы можете сделать для нас Джамбула? — спросила Иткинда Наталья Ильинична. — Нам нужна скульптура, которая будет помещаться в декоративной юрте с откинутым пологом. Юрта будет стоять у входа в Золотой зал. Его стены будут расписаны картинами на сюжеты казахских легенд и сказок — Асан Кайгы, Кобланды батыр, Деде Коркут, Алдар Косе... А Джамбул будет как бы приглашать маленьких зрителей в сказочный мир. Вы можете сделать такого Джамбула, Исаак Яковлевич?

Разговор этот происходил в бывшем фойе бывшего кинотеатра «Алатау». В годы войны здесь проживали семья эвакуированных сотрудников киностудии «Ленфильм». И еще какие-то непонятные люди. Здесь вповалку спали, мылись и брились, жарили на примусах картофельные оладьи, любили, разводились и умирали. В этих стенах, пропитанных всеми ароматами жизни и смерти, снимали эпизоды «Ивана Грозного» и других фильмов, ставших потом хрестоматийными. Когда эвакуированные ушли, «коробку» бывшего кинотеатра отдала под Театр Детской Радости. Темно-серые облупленные стены, жалкие остатки паркета, кучи хлама. Нужно было обладать недюжинной фантазией, чтобы видеть в этих трущобах будущие разноцветные залы для шумных мальчи-

Ильинична. — Что это за еврейские фигли-мигли? Почему вы здесь торчите? Кто будет за вас резать Джамбула?

— Дзамбул здесь, — тихо объяснил Иткинд и заплакал. Длинные слезы сползали по его щекам, темным и морщинистым, как кора старого карагача. И внезапно Наталья Ильинична поняла все, ибо она и сама такая, обладает даром различать многоцветную бабочку сквозь кору невзрачной куклолки. Она поняла, что Мастер увидел свою скульптуру в стволе столетнего дерева — в нем и больше нигде на свете.

Об этом, правда, в более популярной форме неистовая Наталья Ильинична и заявила на заседании исполкома Алма-Атинского горсовета, где в числе прочих вопросов повестки дня обсуждались фантастические, если не сказать грабительские, претензии Театра Детской Радости насчет дефицитной олифы, а также драмки и гвоздей. Члены исполкома пошли было на хитрость — они без особых колебаний пожертвовали уникальным карагачом, чтобы затем крепче вцепиться в бесценные строительные материалы, но были вынуждены отступить перед громовой речью о значении эстетического воспитания подрастающего поколения. Произнесла речь, хитрейшая Наталья Ильинична вернулась на свой объект, имея в сумочке наряды на драмку и олифу, а также редкостный документ «О спилении дерева породы карагач в количестве 1 (одного) экз.»

С этого дня Иткинд неузнаваемо преобразился. Морщины его разгладились, а взгляд стал зорким и лукавым. Почти без отдачи под Театр Детской Радости. Темно-серые облупленные стены, жалкие остатки паркета, кучи хлама. Нужно было обладать недюжинной фантазией, чтобы видеть в этих трущобах будущие разноцветные залы для шумных мальчи-

Было замечено, что Мастер перестал ночевать в уголке

ности всего сущего, старожилы, несомненно, поминали пожарного начальника товарища Глоцера, при котором такое безобразие в центре казахской столицы не могло бы иметь места. Увы, он давно покинул свой пост... Однако вернемся к тому последнему военному году, когда он еще нес службу...

Приближался день открытия Театра Детской Радости. Все ярче сверкали краски Золотого, Голубого, Розового и прочих залов, рожденных в прежней серой коробке. А карагачевый Джамбул, для завершения которого оставалось произвести лишь немного штрихов, одинокий и заброшенный покоился под холщовой накидкой. Это, конечно, не преминула засечь по горло занятая Наталья Ильинична. Раз и другой осведомившись о здоровье Исаака Яковлевича, она узнала, что здоров он сверх обычного. В третий же раз, когда до появления приемной комиссии оставалась неделя, а карагачевый акын не продвинулся ни на йоту, главная строительница пришла в ярость.

— Кто скажет мне, где находится Иткинд? — спросила она голосом, в котором шевелилась отдаленная гроза. Никто из находившихся поблизости на вопрос ответить не пожелал. Тогда сверкнула молния и ударил гром.

— Кто скажет мне, где этот неподобный Иткинд? — спросила подобная Зевсу Наталья Ильинична таким голосом, что под крышей дрогнули стропила из дефицитного горисполкомовского леса.

И снова промолчали сотрудники театра, хотя некоторые и догадывались, где может находиться Мастер. И тогда возник бдительный товарищ Глоцер. Он приблизился к свирепой Натальи Ильиничне на расстоянии в один шаг и показал глазами вниз.

— Ищите его там, — низким шепотом сказал пожарный на-